

Отношения Б.П. Мансурова с начальниками Русской духовной миссии в Иерусалиме (1859–1885 гг.)

Артем Андреевич ГРАВИН¹, Олег Юрьевич ЛЕВИН²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3357-6412>, e-mail: anicol@yandex.ru

²Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9171-2120>, e-mail: eshten@gmail.com

Relations of B.P. Mansurov with the chiefs of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem (1859–1885)

Artyom A. GRAVIN¹, Oleg Y. LEVIN²

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3357-6412>, e-mail: anicol@yandex.ru
²Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9171-2120>, e-mail: eshten@gmail.com

Аннотация. Посвящено деятельности чиновника по особым поручениям Б.П. Мансурова в Палестине и его взаимоотношениям с начальниками Русской духовной миссии – архимандритом Порфирием (Успенским), епископом Мелитопольским Кириллом (Наумовым), архимандритом Антониним (Капустиным)). Актуальность выбранной темы определена необходимостью восстановления общей картины становления русского присутствия на Святой Земле. Новизна исследования состоит в вводе в научный оборот источников из личного фонда документов Мансуровых из Государственного архива Тамбовской области (Ф. 978). Показано, что значительная часть переписки Б.П. Мансурова с Порфирием (Успенским) была посвящена проблеме поиска и организации пристани для приема русских паломников на Афоне. В качестве перевозчика богомольцев должно было выступить Русское общество пароходства и торговли. Выявлено, что отношения Б.П. Мансурова с Кириллом (Наумовым) и Антоном (Капустиным) сопровождались постоянными конфликтами. Причина заключалась в несовпадении интересов Церкви и государства в Святой Земле. Церковь ориентировалась на заботу о Миссии, духовном просвещении, быте паломников, а государство преследовало цели защиты интересов Российской империи на Ближнем Востоке. Установлено, что в отношениях Б.П. Мансурова с начальниками Русской духовной миссии ярко проявилась проблематика церковно-государственных отношений Синодального периода. В своей деятельности Миссии приходилось руководствоваться указаниями и согласием государственных институтов Российской империи, иногда в ущерб межцерковным отношениям, делу христианского просвещения народа.

Ключевые слова: Палестина; Русская духовная миссия; Б.П. Мансуров; Иерусалим; Святая Земля; Афон

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41034.

Для цитирования: *Гравин А.А., Левин О.Ю.* Отношения Б.П. Мансурова с начальниками Русской духовной миссии в Иерусалиме (1859–1885 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 184. С. 183-191. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-183-191

Abstract. The study is devoted to the activities of an official on special instructions B.P. Mansurova in Palestine and his relationship with the chiefs of the Russian Ecclesiastical Mission – Archimandrite Porfiry (Uspensky), Bishop of Melitopol Kirill (Naumov), Archimandrite Antoninin (Kapustin). The relevance of the chosen topic is determined by the need to restore the overall picture of the Russian presence formation in the Holy Land. The novelty of the study consists in introducing into the scientific circulation sources from the personal fund of the Mansurovs' documents from the State Archives of the Tambov Region (F. 978). It is shown that a significant part of B.P. Mansurov correspondence with Porfiry (Uspensky) was devoted to the problem of finding and organizing a marina for the reception of Russian pilgrims on Mount Athos. The Russian Society of Shipping and Trade was to act as a carrier of pilgrims. We reveal that B.P. Mansurov relations with Kyrill (Naumov) and Antonon (Kapustin) were accompanied by constant conflicts. The reason was the discrepancy between the interests of the Church and the state in the Holy Land. The church was oriented toward caring for the Mission, spiritual enlightenment, the life of pilgrims, and the state pursued the goal of protecting the interests of the Russian Empire in the Middle East. We establish that in the relations of B.P. Mansurova with the leaders of the Russian Ecclesiastical Mission clearly manifested the problems of church and state relations of the Synodal period. In its activities, the Mission had to be guided by the instructions and consent of state institutions of the Russian Empire, sometimes to the detriment of inter-church relations, the cause of Christian enlightenment of the people.

Keywords: Palestine; Russian Ecclesiastical Mission; B.P. Mansurov; Jerusalem; Holy Land; Mount Athos

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-41034.

For citation: Gravin A.A., Levin O.Y. Otnosheniya B.P. Mansurova s nachal'nikami Russkoy dukhovnoy missii v Iyerusalime (1859–1885 gg.) [Relations of B.P. Mansurov with the chiefs of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem (1859–1885)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 184, pp. 183-191. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-184-183-191 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Русская духовная миссия в Иерусалиме – учреждение с особыми полномочиями: она была призвана отстаивать интересы России на Святой Земле и в то же время выполнять просветительские и миссионерские функции [1, с. 6]. Сложность такой задачи усугублялась еще и тем, что русское правительство присылало в Палестину и чиновников, наделяя их особыми полномочиями. Одним из них был Борис Павлович Мансуров, который должен был выстраивать отношения с действующими и бывшими начальниками Миссии [2, с. 21].

Борис Павлович взаимодействовал с тремя руководителями Русской духовной миссии в Иерусалиме, но эти отношения носили разный характер и зависели от целей командировок самого Б.П. Мансурова. Духовная миссия была учреждена в 1847 г., что стало логическим завершением усилий русского правительства за то, чтобы и православным из России было место на Святой Земле наряду с другими христианами, которые присутствовали здесь издревле [3].

Первую Миссию возглавил архимандрит Порфирий (Успенский), хорошо знавший все

перипетии восточной политики и прекрасно владевший языками. После закрытия Миссии с началом Крымской войны в 1853 г. о. Порфирий вернулся в Россию. Но и впоследствии опыт и знания архимандрита потребовались русскому правительству. Порфирий мечтал продолжить на Востоке свою деятельность в качестве ученого и собирателя христианских древностей.

Б.П. Мансуров, как ближайший сотрудник великого князя Константина Николаевича, был отправлен им для организации регулярного паломничества в Иерусалим и попутно на Святую гору Афон. Командировка предполагала контакты Бориса Павловича с первым начальником Миссии. Они довольно хорошо отражены в труде Порфирия (Успенского) под названием «Книга бытия моего», где под 29 марта 1857 г. отмечено первое знакомство: «Чиновник великого князя Константина Николаевича Борис Павлович Мансуров тайно объявил мне, что Его Высочество думает основать в Севастополе восточную академию, в которой ученики учились бы восточным языкам и после выучки служили бы на Востоке агентами одесского пароход-

ного общества, и послать меня в Крым в сане епископа с тем, чтобы я присматривал и за оною академиею» [4, с. 73]. Спустя несколько месяцев, 9 июля 1857 г., о. Порфирий был приглашен на встречу с обер-прокурором Святейшего синода, который сообщил ему, что великий князь Константин Николаевич намерен «послать в Иерусалим чиновника Мансурова для каких-то разведок» [4, с. 87-88]. О. Порфирий взял на себя обязательство написать записку о состоянии дел на Востоке и, в частности, в Иерусалиме. В своем дневнике 1 января 1858 г. он пишет по этому поводу: «Я занимался сочинением записки для великого князя Константина Николаевича по письменному приглашению его, записки о наших действиях на Востоке и, особенно, в Иерусалиме» [4, с. 125]. Это был своеобразный ответ на записку Б.П. Мансурова, довольно обширную в 209 страниц, составленную после командировки на Восток в 1857 г.

Цель этой поездки состояла в следующем: собрать сведения, «которые могли бы быть полезны Русскому обществу пароходства и торговли при устройстве правильного и сколь возможно частого перевоза поклонников из России к Святым местам Палестины» [4, с. 125]. Собственно, в дальнейшем все отношения Бориса Павловича с бывшим первым начальником Миссии будут вращаться именно вокруг того, как лучше организовать маршрут паломников в рамках интересов Русского общества пароходства и торговли, которое собиралось самым оптимальным способом перевозить паломников в Святую Землю. В дневнике своем о. Порфирий 16 января 1858 г. отмечает: «Я заехал к Мансурову. Он поведал мне, что ответ мой на известия с Сиона понравился великому князю Константину, и что Его Высочество хочет напечатать его, выпустив статьи о первой и второй миссии нашей и кое-что другое, дабы духовное начальство не смотрело на меня косо» [4, с. 151-152]. Все это говорило о том, что архимандрит очень желал снова попасть на Восток, и чиновник Б.П. Мансуров, которого он именно так и воспринимал, был для него хорошим способом туда попасть. 18 января о. Порфирий снова пишет о своих надеждах: «Борис Павлович поведал мне, что он в марте месяце опять поедет на восток, и что в его распоряжении будет пароход, и приглашал меня с собою» [4, с. 152], затем

раздраженно сообщает: «Решено было отправить меня на Восток, но вместе с Мансуровым. По выражению этого сановника, я взят был с бою» [4, с. 156] и с неудовольствием замечает: «Мансуров будет согладаем пребывания моего на Востоке. Быть так!» [4, с. 152]. Спустя несколько месяцев архимандрит сообщает об указании Бориса Павловича: «в Одессе я должен ожидать его из Парижа в конце месяца мая. Без него нельзя мне быть в Константинополе, потому что он отвечает за меня пред МИДом. Из Константинополя он отправится, куда ему надобно, а я поеду на Афон и там распорядюсь работами наших художников (Ни одного художника не нашел я там)» [4, с. 165]. Это запись в дневнике 28 марта, последнее письменное свидетельство личного общения устроителей Палестинского дела. В дальнейшем они будут общаться посредством писем. Б.П. Мансурова интересует только одна сторона этого общения – выбор наиболее оптимального паломнического маршрута для путешествия не только в Святую Землю, но и на Святую гору Афон.

Переписка сохранилась в фонде Б.П. Мансурова в Государственном архиве Тамбовской области. Первое письмо архимандрита, а впоследствии епископа Порфирия к чиновнику датировано 20 декабря 1858 г. и направлено из Иверского монастыря на Афоне в Париж, где его 22 января 1859 г. получил Мансуров. В нем о. Порфирий сообщает о первых своих изысканиях по поводу устройства лучшего пароходного сообщения для паломников: «Давно я получил Ваше письмо из Бейрута, от 6 сентября <...>. Долго длились переговоры мои с Русским братством здешнего Пантелеимонова монастыря о постройке странноприимной кельи на острове Мульяни. Переговоры мои об этом деле окончены 15 декабря. Но оно не состоится, так как необходимо: 1) перемещение таможи из Дафнийской пристани на острове Мульяни; 2) отклонение здешнего Протата к учреждению странноприимной кельи; 3) постоянное держание большой мореходной лодки; 4) неприятнейшее для них замедление на пустом месте в случае осенних бурь; 5) никем и ничем не обеспеченное содержание странноприимной келии; 6) неизбежность заготовления там съестных припасов. Рассуждали мы и об устройстве приюта для русских паломников на противоположной от

острова Мульяни участке Руссика. Но там нет пресной воды и пришлось бы делать искусственную пристань <...>. Уютная пристань Хилендарской обители и тут можно было бы устроить приют для наших поклонников в запустелом монастыре св. Василия <...>. Но туда надо переводить таможенную, да и тамошний заливец открыт северному ветру.

Еще есть пристань у Афонского перешейка, подле стен града Иериссо, – пристань забытая, древняя, строенная циклопами. Что касается до устройства церкви в их приюте; то и это дело не встретит препятствий со стороны Иериссовского епископа, которого можно обаять ласковыми словами и подарками <...>. Следует воздать должное держателям этого приюта – Русским святогорцам, а во-первых, признать в России их пострижение и рукоположение священным и неприкосновенным <...>. Во-вторых, включить их обитель в число наших монастырей, и производить ей ежегодное жалование на содержание бедных поклонников <...>, в-третьих, следует исполнить выраженную Вам русскими святогорцами просьбу об устройстве подворья их в Одессе, где они обзаведутся на свой счет»¹.

Остров Мульяни располагается в заливе Айон-Орос, всего в нескольких километрах от берега Афонского полуострова. Это был действительно небольшой площадью 4,5 кв. километров остров, красивый, надежно защищенный от ветров и больших волн, так как расположен он в глубине залива. Хотя, как видно, это не спасало путников в случае начала сезона «осенних бурь». Однако главным аргументом был запрет Протата (правительства Афона) и необходимость перемещать сюда таможенную из Дафни, деревни, которая располагалась между монастырями Ксиропотам и Симонопетра почти у самого входа в залив. Отсюда все паломники начинали свое путешествие по Афонским монастырям. Здесь располагался таможенный пункт, и турки в обязательном порядке собирали пошлину с прибывающих паломников.

20 марта 1859 г. о. Порфирий пишет Борису Павловичу из Салоник. Сообщает, что отказывается от своей идеи устроить приют в Иериссо, так как там слишком мелководная пристань, и приходит к мысли: «остров

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 972. Оп. 1. Д. 128. Л. 20.

Мульяни есть самое лучшее пристанище»². Также архимандрит, видимо по просьбе Б.П. Мансурова, осмотрел еще одно место и сообщает: «Пристань Плати, в ней во всякое время могут спокойно стоять большие суда <...>. Берег Платинской заводи никем не заселен <...> и от него недалеко до подворья монастырей Иверского и Хилендарского»³.

В следующем письме от 8 июня 1859 г. архимандрит оправдывается перед Б.П. Мансуровым: «Борис Павлович! Вчера я приехал из Солуни в Афонский Русский монастырь. И от наших паломников, бывших в Иерусалиме, услышал, что Вы были в св. граде и жаловались там на мое молчание о Мульянинском деле <...>. Я переговорю с Ватопедскими старцами о постройке странноприимного дома для русских богомольцев на принадлежащем обители их о. Мульяни и сообщу Вам и сподвижникам Вашим дельную мысль о том, как можно избавиться от таможенного досмотра»⁴. Получается, что, несмотря на все аргументы Порфирия, Б.П. Мансуров продолжал настаивать на мульянинском варианте. В дальнейшем переписка по поводу пристаней для устройства приюта прекращается. Вероятно, у о. Порфирия больше не было возможности заниматься этим непростым делом, требовавшим специальных поездок. А в 1861 г. он покинул Восток и уехал в Россию.

Но есть одно письмо, касавшееся начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, возглавлявшего ее после возрождения в 1857 г. Это был епископ Мелитопольский Кирилл (Наумов). Архимандрит Порфирий пишет Б.П. Мансурову о ненормальности положения владыки Кирилла на Святой Земле с точки зрения канонической и обиде Иерусалимского Патриарха на русское правительство в связи с этим: «Борис Павлович! Передаю Вам все, что слышал в Константинополе от патриархов и здесь от умного старца Иеронима. Иерусалимский патриарх Кирилл выразил свое недовольство на то, что Мелитопольский епископ наш неучтиво поступил с Его Святейшеством.

Иерусалимский патриарх Кирилл открыл мне всю свою душу и поведал те скорби, какие причинены были ему при и по водворе-

² Там же. Л. 27.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 31.

нии нашей духовной Миссии в Иерусалиме. «Ваше правительство о назначении своего епископа в Иерусалим вело переговоры с Портою, а меня не уведомило. Нам больно такое пренебрежение достоинством православного Патриарха. Мы не могли достигнуть, для какой цели Российский Синод разрешил нарушить правила Церкви, коими воспрещено Епископу чужой области действовать в пределах предстоятеля другой церкви. Не только Епископы, но и мы, патриархи, не властны отслужить ни одной литургии, не испросив соизволения на то местного Архиепископа. Мелитопольский же епископ служил в здешней Болгарской церкви без спроса. При нем находился архимандрит Григорий Грек, и вдобавок Цареградец, которому очень хорошо известны здешние обычаи и уставы <...>. Поступок, свойственный людям, привыкшим действовать по праву сильного. Впрочем, архимандрит Григорий извинялся перед Его Святейшеством.

В Великий Четверток Епископу Мелитопольскому вздумалось прочесть страстные Евангелия на Голгофе и он, собрав своих соотечественников, пошел вместе с ними в храм в ту минуту, когда Латинский патриарх Валегра выходил оттуда по окончании своей службы. Как жалок этот епископ, признанный шейх-уль-исламом, а не Патриархами! Постоянным представителем нашей Церкви нигде не может быть Епископ»⁵. Письмо это отправлено 1 августа 1858 г. из Руссика на Афоне.

С епископом Кириллом Б.П. Мансурова уже не связывали такие отношения, как с первым начальником Миссии. В своих письмах к разным людям Б.П. Мансуров постоянно критиковал начальника Миссии. Так, 29 октября/10 ноября 1859 г., будучи уже управляющим делами Палестинского Комитета, Борис Павлович пишет из Иерусалима Александру Васильевичу Головнину, будущему министру народного просвещения: «Скажу Вам, для передачи в особенности графу А.П. Толстому, для спасения чести Русской Иерархии и Русского правительства пускай возьмут отсюда скоро Кирилла, который вместе недостойный пастырь и дурной человек без сердца и без разума. Никто к нему не ходит даже болтать, и то от скуки и нечего делать ходит сплетничать на русских

к тем редким грекам, которые не прекратили с ним неофициального общения»⁶. Еще раньше, 11/23 октября 1859 г., ему же он пишет: «Преосвященный Кирилл наделал здесь столько, что затрудняет все наши местные взаимоотношения. Члены Миссии разбегаются. Сплетням в Иерусалиме несть конца. Кирилл ничего не сделал, ничего не создал, ничего не сгладил и не помирил, одним словом был только помехою доброму делу. Я и с Кириллом могу жить. Вся беда в том, что он только и думает о борьбе с нами»⁷. Позже, 12/24 декабря 1859 г., он жалуется А.В. Головнину: «Я ни разу даже не спорил здесь с Кириллом. А он публично на пароходе позволил употребить выражения «молокосос, мальчишка, я их проучу» и прочее. При этом был один из моих прямых подчиненных. Я не поднимаю о сем истории»⁸. В 1863 г. епископ был отозван правительством, с чем не согласился и не сразу покинул Миссию.

Не сложились отношения у Бориса Павловича и с самым деятельным начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным). Причина заключалась в том, что интересы Церкви и государства в Святой Земле не совпадали. Церковь радела о миссии, духовном просвещении, заботе о быте паломников, а государство преследовало цели защиты интересов Российской империи на Ближнем Востоке, то есть во многом политические мотивы и, отчасти, коммерческие, связанные с деятельностью Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ), представителем которого в первую поездку свою Б.П. Мансуров и был. Именно он отстаивал идею коммерциализации проекта по организации паломничества, точнее, его самокупаемости. То, что Палестинское дело изначально оказалось в руках светской власти, пользующейся самым высоким покровительством, заложило основы создания так называемой «системы», о которой современный исследователь Н.Н. Лисовой пишет: «Но беда состояла в том, что и духовная жизнь, и внутренняя и внешняя деятельность Русской Церкви были скованы и нередко изуродованы вполне неканоничной системой отношений Церкви и Государства, мертвящей нор-

⁶ ГАТО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 1. Л. 77-79.

⁷ Там же. Л. 30-32.

⁸ Там же. Л. 147.

⁵ ГАТО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 128. Л. 31.

мой регламента, подчинявшего духовное светскому, все стороны религиозной жизни – Государственной, вплоть до полицейской, опеке. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме является в этом смысле почти уникальным опытом борьбы наиболее выдающихся русских церковных деятелей на Востоке с «системой», как говорил архимандрит Антонин. Как вся Церковь находилась в подчинении у бюрократического аппарата православной империи, так и Миссия была в глазах некоторых чиновников российского МИД на Ближнем Востоке вполне бесправным и едва ли нужным придатком светских дипломатических структур» [5].

Одним из олицетворений и символом этой «системы» был Б.П. Мансуров, который всегда выступал, как агент государства. О его деятельности не очень положительно пишет даже составитель его некролога А.А. Дмитриевский: «Совершенно забыты были ими насущные нужды паломнических приютов, которые не удовлетворяли своему назначению уже в самый год их окончания <...>. Крайняя теснота в помещениях для паломников, отсутствие инициативы в улучшении их быта со стороны Палестинской Комиссии, задавшейся целью «про черный день» скопить неприкосновенный капитал» [6, с. 457].

Автор же жизнеописания архимандрита Антонина (Капустина) архимандрит Киприан (Керн) еще более сурово отзываясь о деятельности Бориса Павловича: «Он (о. Антонин) как Начальник Миссии неугоден Консульству и Палестинскому Комитету, то есть тому же Мансурову, которому когда-то был неугоден и епископ Кирилл <...>. При Министерстве иностранных дел образовалась «Палестинская Комиссия», включив в себя людей типа Мансурова» [7, с. 143, 148]. А в одном месте отец-архимандрит называет Б.П. Мансурова «великосветским снобом». Сам о. Антонин (Капустин) в письме Б.П. Мансурову 1879 г. так писал о том, что называлось в церковной среде «системой»: «Как же во все эти, трудные и большей частью скорбные для меня годы смотрела на службу мою здесь Палестинская Комиссия. Простите за правду, – недоброжелательно. Этот взгляд ее с моей личности переносился, конечно, и на всю Миссию, а затем он передавался и в Министерство иностранных дел

и, что всего прискорбнее для меня, в самый Святейший Синод. Во все время, как П.Н. Стремоухов заправлял делами Азиатского Департамента и Палестинской Комиссии, я с каждым днем ожидал закрытия ни в чем неповинного учреждения, над которым начальствовал. Напрасно бы я стал доискиваться, в чем моя вина, и отчего я, целые 15 лет служивший в разных посольствах и при многих посланниках с репутацией человека, не способного к делу, в Иерусалиме оказался вдруг чуть не камнем соблазна и, во всяком случае, не драгоценным камнем, а булыжником, которым может помывать всякий консул. Раз только один из деловых людей проговорился, сказав в поучение мне, что ни он, никто другой не виноват тут в положении дел, что тут действует не личность та или другая, а «система». Об этой фатальной «системе» я слышал, когда еще состоял при константинопольском посольстве и, сознаюсь в своей слабости, отправляясь сюда на новую должность, задавался иллюзийной мыслью разбить убивающую общее дело наше «систему», а именно своим прямым, искренним и как бы дружеским отношением к лицам и вещам добиться упразднения пагубного деления на своих и чужих. И в самом деле я как будто бы годился для этой задачи, столько лет, чужой по званию, бывши своим в Министерстве иностранных дел на службе. Что же мешало успеху? Еще раз простите, по общему говору, ничто кроме Вашей личной антипатии к Миссии. Чтобы не столкнуться ни с кем ни на политическом, ни на церковно-каноническом, ни даже миссионерском поприще, а ограничился одним чисто поклонническим значением своей Миссии и нашел способ путем территориальных приобретений и устройством в разных местах русских приютов поставить ее и крепче, и весче и, пожалуй, даже более блестяще, чем когда бы то ни было в другое время в Палестине. Могла простить мне это «система»? Я не дитя, чтобы поверить этому» [7, с. 154-155].

В фонде Б.П. Мансурова есть ответ на это послание архимандрита Антонина, отправленный 14/26 февраля 1880 г. из Генуи. Здесь его уместно привести, так как Борис Павлович был совершенно не согласен с такой постановкой вопроса относительно его участия в Палестинских делах: «Высокочтимый Отец Архимандрит, место, откуда я пи-

шу Вам, может служить объяснением моего столь долгого молчания на письмо, которым Вы меня почтили. В извинение свое могу сказать, что Ваше письмо, за которое я приношу Вам усерднейшую благодарность, застало меня в Москве накануне возвращения в СПб и вообще во время чрезвычайно для меня тревожное и тяжелое. Немедленно по возвращении в СПб я должен был по семейным обстоятельствам просить отпуск за границу для свидания с больною женою.

Пользуясь первой свободной минутою, чтобы изъяснить Вам, глубокоуважаемый Отец Архимандрит, на Ваше письмо. Смею уверить Вас, что Вам сказали правду, когда утверждали, что я человек искренний и не лицемерный. Мне не из чего лицемерить, и я стою к иерусалимскому делу близко, но в положении совершенно свободном от всякого личного интереса, от всякого личного самолюбия, даже от всякой личной ответственности. Прежде всего, обращаюсь к тому, что Вы называете системою и к Вашему указанию, что я оказываюсь главным виновником этой системы. Позвольте мне сказать, что Вы сами даете мне едва ли не лучшее опровержение такого обвинения. Благоволите припомнить, что со времени Вашего назначения в Иерусалим – в течение 15 лет Вы ни разу не обращались ко мне ни по важному, ни по неважному делу, – и не обращались, очевидно, потому что не считали нужным призывать в чем-либо мое посредничество. Не думайте, досточтимый Отец Архимандрит, что в моих словах кроется претензия или упрек. Ничего подобного нет у меня ни в уме, ни в сердце. Дело в том, что Вы были правы по сущности дела, и что я именно со времени Вашего назначения в Иерусалим перестал быть действующим лицом по Палестинскому делу и вплоть до последнего времени был только в роде консультанта по вопросам ограниченным, и Вы знаете, что консультантов не всегда слушают. Насколько я прав в этом утверждении, доказывается весьма просто тем, что с начала 1867 по 1872 год я вовсе не жил в СПб, а служил сенатором в Москве. С конца 1873 года по 1876 год более трех лет прожил больной за границей в Германии. Посудите сами, мог ли я при таких условиях быть тем влиятельным противником Ваших планов и желаний, каким я выставлен в Вашем письме? Все это я говорю, чтобы сказать

Вам, что я не имею никакой солидарности с тем общим направлением Иерусалимского дела, на которое Вы сетуете. Вполне сознаюсь, что я не разделяю Ваших мнений по многим вопросам и что в оценке того порядка вещей, который кажется Вам никудашным, я придерживаюсь другого воззрения сколько же по прямой положительно обязанности, столько по произвольному и свободному выбору. Спешу прибавить, что в то время (1857 год) я глубоко радовался этому восстановлению Духовной Миссии и видел в этом осуществление того, что я словесно и письменно просил еще в 1856 году. Высочайшее повеление до сих пор составляет краеугольную основу учреждений Духовной Миссии и Консульства, и изменить никто и ничего не может.

Не осуществилось то, что я предполагал и не осуществляется то, что Вы ныне предлагали вследствие двух главных причин: а) еще в 1858 году Святейший синод, согласно мнению покойного митрополита Филарета Московского, в решении очень обстоятельно мотивированном, положительно признал невозможным и канонически неправильным создание в Иерусалиме и вообще в Палестине какого-либо Русского учреждения, имеющего значение и характер монастыря, Лавры и тому подобного. Такое решение было сообщено бывшему Палестинскому комитету к неперемennomу руководству, причем Святейший синод прямо и положительно высказался в том смысле, что внутреннее управление Русскими страноприимными заведениями должно быть вверено власти гражданской, светской – так чтобы на Духовной Миссии не лежало никакой материальной и денежной отчетности; б) в политическом отношении присутствие в Палестине Русских церковных учреждений, пользующихся правом экстерриториальности, то есть независимости от Турецкого правительства и от местной Патриархической власти, а на ином основании такие учреждения немыслимы, принесло бы такие осложнения и затруднения, что никакие выгоды не окупали бы тех результатов, до которых можно невольно дойти ввиду того, что совершается на Востоке.

Само собою разумеется, что возможно для католиков и для протестантов, является положительно невозможным для русских, потому что везде на Востоке мы встречаем присутствие местной Правительственной

Патриаршей власти, которую мы должны поддерживать, признавать и не ослаблять. Что до меня касается, то я должен сказать, что я всегда следовал и буду следовать основному правилу не отступать от принятой системы, коль скоро нет никакого сомнения в том, что она указана вполне сомнительною властью и указала вполне сознательно после всестороннего обсуждения дела. В этом отношении я действительно человек системы, ибо я глубоко убежден в том, что ничего не может быть вреднее постоянных колебаний в пути, по которому следует идти. Следуя системе – я следую прямому долгу.

Исповедь моя о прошедшем уже довольно длинна и я позволил себе изложить ее, потому что, поставленные судьбою на одно общее поприще, полезно, чтобы мы познавали друг друга и не обвиняли взаимно без достаточных оснований. Мне едва ли нужно уверять Вас, высокочтимый Отец Архимандрит, в том, что никогда никому не приходило в голову мысль упразднить Духовную Миссию и заменить простым причтом из белого духовенства. Как о том распространялись разные слухи. Духовные назидания и руководства так необходимы для массы наших богомольцев, что и существующего штата Духовной Миссии должно быть недостаточно для исполнения тех высоких призваний и отправления Богослужения в Соборе святой мученицы Царицы Александры. Никогда не забывали и о том, что в глазах нашего народа монашество весьма основательно и имеет особое обаяние, и замена иноков белым духовенством представила бы большое затруднение. Не буду говорить ни слова о Н.А. Илларионове, так как назначение В.Ф. Кожевникова должно Вас совершенно успокоить. В качестве члена Палестинской Комиссии и члена сердечно привязанного к Иерусалимскому делу позволю сказать, что все мы желаем только одного: да преуспеет начатое дело в руках тех, которым оно вверено, и да царствует мир и согласие, доверие и паки доверие между двумя действующими в

Иерусалиме русскими деятелями. Само собою разумеется, что Русское Правительство не может иметь в Палестине двух представителями, и что представителем его служит один Консул, каковое звание утвердилось надеюсь навеки. Если же со стороны высшего над всеми нами авторитета признано, что управление наших приютов должно быть светское и гражданское, то очевидно, что нет места никакому разделу власти в этом управлении. В.Ф. Кожевников надеюсь скоро в Иерусалим; знаю, что ему бы хотелось не медлить и действительно надо желать, чтобы он мог прибыть на место до Пасхи. Надеюсь, что Василий Федорович скажет Вам, что в искренность и правдивость мою можно верить. Вам свидетельство моего почтения, и могу удостоверить Вас, что я всегда сохранял и сохраняю глубокое и драгоценное воспоминание о нашем к сожалению кратковременном знакомстве на Афонах. Я был бы очень сердечно Вам благодарен, если бы Вы почтили меня впредь своим благосклонным письмом»⁹.

Этим письмом Борис Павлович совершенно объяснил свои мотивы, но письмо осталось неизвестным широкой общественности, иначе как объяснить тот факт, что даже спустя много лет в книге биографа архимандрита Антония (Капустина) образ самого Б.П. Мансурова выведен совершенно отрицательно, а ведь это жизнеописание увидело свет в 1934 г. спустя 24 года после смерти Бориса Павловича.

Как видно, в отношениях Б.П. Мансурова с начальниками Русской духовной миссии ярко проявилась проблематика церковно-государственных отношений Синодального периода. В своей деятельности Миссии приходилось руководствоваться указаниями и согласием государственных институтов Российской империи, иногда в ущерб межцерковным отношениям, делу христианского просвещения народа.

⁹ ГАТО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 328. Л. 1-10.

Список литературы

1. Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864. М.: Индрик, 2011. 62 с.
2. Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания: материалы конф. М., 2012. С. 21-37.

3. *Антонин (Капустин), архимандрит.* Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции 1866–1891; подгот. Р.Б. Бутова. URL: <https://clck.ru/KE5SF> (дата обращения: 25.10.2019).
4. *Порфирий (Успенский), епископ.* Книга Бытия моего: в 8 т. Спб., 1901. Вып. 7. 395 с.
5. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. URL: <http://palomnic.org/rdm/ra/2/> (дата обращения: 13.10.2019).
6. *Дмитриевский А.А.* Памяти Б.П. Мансурова // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1910. Т. 21. Вып. 3. С. 446-457.
7. *Киприан (Керн), архимандрит.* Отец Антонин (Капустин) – архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. 214 с.

References

1. Vakh K.A. *Velikiy knyaz' Konstantin Nikolayevich i russkoye palomnichestvo v Svyatuyu Zemlyu: k 150-letiyu osnovaniya Russkoy palestiny 1860–1864* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich and Russian Pilgrimage to the Holy Land: to the 150th Anniversary of Foundation of Russian Palestine 1860–1864]. Moscow, 2011, 62 p. (In Russian).
2. Vakh K.A. «Iyerusalimskiy proyekt» Rossii: B.P. Mansurov i Russkiye postroyki [“Jerusalem project” of Russia: B.P. Mansurov and Russian Buildings]. *Materialy konferentsii «Velikiy knyaz' Konstantin Nikolayevich i Russkiy Iyerusalim: k 150-letiyu osnovaniya»* [Proceedings of the Conference “Grand Duke Konstantin Nikolaevich and Russian Jerusalem: to the 150th Anniversary of Foundation”]. Moscow, 2012, pp. 21-37. (In Russian).
3. Antonin (Kapustin), Archimandrite. *Iz Iyerusalima. Stat'i, ocherki, korrespondentsii 1866–1891* [From Jerusalem. Articles, Essays, Correspondence 1866–1891]. (In Russian). Available at: <https://clck.ru/KE5SF> (accessed 25.10.2019).
4. Porfiry (Uspensky), Bishop. *Kniga Bytiya moyego: v 8 t.* [The Book of My Existence: in 8 vols.]. St. Petersburg, 1901, vol. 7, 395 p. [In Russian].
5. Lisovoy N.N. *Russkoye dukhovnoye prisutstviye v Svyatoy Zemle v XIX – nachale XX v.* [Russian Spiritual Presence in the Holy Land in the 19th – Early 20th Centuries]. (In Russian). Available at: <http://palomnic.org/rdm/ra/2/> (accessed 13.10.2019).
6. Dmitriyevskiy A.A. Pamyati B.P. Mansurova [In the memory of B.P. Mansurov]. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva* [Notes of Imperial Orthodox Palestine Society], 1910, vol. 21, no. 3, pp. 446-457. (In Russian).
7. Kiprian (Kern), Archimandrite. *Otets Antonin (Kapustin) – arkhimandrit i nachal'nik Russkoy Dukhovnoy Missii v Iyerusalime* [Father Antonin (Kapustin) – Archimandrite and Head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem]. Moscow, Krutitskoye Patriarsheye Podvorye Publ., 1997, 214 p. (In Russian).

Информация об авторах

Гравин Артем Андреевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: artem@tambovlib.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3357-6412>

Левин Олег Юрьевич, старший преподаватель кафедры библистики, богословия и философии. Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: eshten@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9171-2120>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Гравин Артем Андреевич
E-mail: artem@tambovlib.ru

Поступила в редакцию 06.11.2019 г.
Поступила после рецензирования 27.11.2019 г.
Принята к публикации 20.01.2020 г.

Information about the authors

Artyom A. Gravin, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Methodology of Science Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: artem@tambovlib.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3357-6412>

Oleg Y. Levin, Senior Lecturer of Biblical Studies, Theology and Philosophy Department. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation. E-mail: eshten@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9171-2120>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Artyom A. Gravin
E-mail: artem@tambovlib.ru

Received 6 November 2019
Reviewed 27 November 2019
Accepted for press 20 January 2020